

A man with dark hair and a serious expression stands in the center of the frame. He is wearing a black tuxedo jacket with wide, shiny silver lapels over a black button-down shirt. He is positioned in front of a blurred casino background featuring slot machines, ornate chandeliers, and a red-floored gaming table with gold markings. The lighting is warm and focused on the man.

Капитан М.

Смертельный номер

Капитан М.

Смертельный номер

«Автор»

2026

М. К.

Смертельный номер / К. М. — «Автор», 2026

Аркадий Соколовский, известный как Маэстро Немо, — иллюзионист и менталист, чьё выступление в казино оборачивается катастрофой: прямо во время шоу исчезает дочь криминального авторитета по прозвищу Князь. Случайное совпадение с картой «Потеря» делает Аркадия главным подозреваемым. Чтобы выжить, он превращает всё казино в сцену для собственного спасения и поиска настоящей похитительницы — своей бывшей партнёрши Лидии. Это запускает цепь событий: гастрольный тур по России, опасные связи и путь к собственному театру. История о магии, риске и цене чуда.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предсказание	5
Глава 2. Побег со сцены	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Капитан М. Смертельный номер

Глава 1. Предсказание

Тяжёлый бархатный занавес цвета запёкшейся крови медленно поднимался, открывая взору публики сцену, утопающую в золотистом свете. Казалось, сам воздух в зале казино «Имperiал» стал гуще — пропитанный дорогим парфюмом, сигарным дымом и тем особым электрическим напряжением, которое всегда предшествует настоящему чуду. Хрустальные люстры, свисавшие с расписного потолка, дробили свет на тысячи осколков, и эти осколки скользили по лысынам солидных господ, по обнажённым плечам дам, по зелёному сукну игорных столов, застывших в почтительном ожидании.

Аркадий Соколовский, известный всей стране под сценическим псевдонимом Маэстро Немо, стоял за кулисами и слушал, как стихает гул зрительного зала. Он поправил бабочку — идеально белую, словно первый снег, — и провёл ладонью по лацкану смокинга. Ткань отозвалась лёгким покалыванием: под слоем шёлка и шерсти была вшита тончайшая металлическая сетка, которую он сам спроектировал. Не для защиты от пуль — хотя, зная публику, собравшуюся сегодня в зале, это было бы не лишним, — а для управления микроскопическими проекторами, спрятанными в манжетах и на лацканах. Технологии и магия. Двадцать первый век, чёрт возьми.

— Маэстро, выход через две минуты, — прошептала Ася, его ассистентка, поправляя складку на его плече. Девушка с глазами цвета крепкого чая и руками, которые двигались быстрее, чем у любого карточного шулера, она была единственным человеком в этом городе, которому он доверял хотя бы наполовину.

— Знаю, — отозвался Аркадий, не отрывая взгляда от небольшого монитора, транслировавшего происходящее в зале. Камеры слежения, установленные под потолком, давали ему панорамный обзор. Он видел всё: вот стайка молодых людей в костюмах от Brioni, делающих вид, что им скучно; вот дама в мехах, нервно теребящая веер; вот группа мужчин в тёмных пиджаках у дальнего столика — они не пили, не играли, только смотрели. Охрана. Ну, конечно.

— Сегодня в зале... особые гости, — осторожно заметила Ася, проследив за его взглядом.

— Особые гости, — эхом повторил Аркадий, усмехнувшись. — Ты имеешь в виду Дато Гогиберидзе? Криминальный авторитет, которого весь город зовёт не иначе как Князь? Человек, который держит половину подпольного бизнеса в этом городе и вторую половину — легального?

— Ты знаешь, что он здесь, и всё равно выходишь на сцену?

— Ася, солнце моё, — Аркадий повернулся к ней, и в уголках его серых глаз заплескали искорки. — Я иллюзионист. Менталист. Человек, который зарабатывает на жизнь тем, что заставляет людей видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть. Ты думаешь, я боюсь какого-то бандита?

— Я думаю, что ты слишком самоуверен, — отрезала Ася. — И это когда-нибудь тебя погубит.

— Когда-нибудь, — согласился он. — Но не сегодня.

Он шагнул на сцену.

Зал ахнул.

Это был не просто выход — это было явление. Аркадий Соколовский не вышел из-за кулис, он возник из ниоткуда. Свет софитов на мгновение мигнул, и вот он уже стоит в центре сцены, раскинув руки, словно обнимая весь этот пышный, утопающий в роскоши мир. Его тень

метнулась по задней стене — слишком большая, слишком причудливая, словно принадлежащая другому существу.

— Добрый вечер, дамы и господа! — его голос, усиленный микрофоном, раскатился по залу, отражаясь от зеркальных колонн. — Добрый вечер, прекрасные незнакомки и мужественные незнакомцы! Добрый вечер, счастливчики и... те, кто ещё не знает, что сегодня им повезёт!

По залу прокатилась волна смешков. Аркадий позволил себе лёгкую улыбку. Он чувствовал публику — это было его проклятием и его даром. Он ощущал эмоции, как осязал бы бархат или шёлк: вот столик номер семь излучает скептицизм, вот дама у сцены — восторг, смешанный с тревогой, а вот тёмный угол у бара, где сидят люди Князя, — там холодная, тяжёлая настороженность. Они не пришли развлекаться. Они пришли смотреть. Оценивать.

Что ж. Он даст им представление.

— Сегодняшний вечер, — продолжил Аркадий, медленно прохаживаясь по сцене, — особенный. Сегодня я покажу вам не просто фокусы. Сегодня я покажу вам... правду.

Он остановился, и свет софитов сфокусировался на его лице, высветив резкие черты, высокий лоб, лёгкую седину на висках — следы тридцати восьми лет, из которых двадцать он провёл на сцене.

— Вы не верите мне? — спросил он, и в его голосе прозвучала почти детская обида. — Конечно, не верите. Вы сидите здесь, в этом храме азарта, где каждый день люди проигрывают состояния, надеясь на чудо. И вы думаете, что чудес не бывает. Что всё в этом мире подчиняется законам вероятности, математики, сухой статистики.

Он щёлкнул пальцами.

И в тот же миг все люстры в зале погасли, погрузив огромное помещение в кромешную тьму. Раздались испуганные возгласы, где-то звякнул упавший бокал. А потом, в этой абсолютной черноте, вспыхнула одна-единственная точка света — прямо над головой Аркадия. Она росла, расширялась, превращаясь в мерцающий шар, и в его призрачном сиянии проступили лица зрителей — замороженные, испуганные, восхищённые.

— Чудеса, — тихо произнёс Аркадий, и его шёпот, усиленный акустикой, прозвучал громче крика, — случаются. Но не потому, что их творит Бог или дьявол. А потому, что есть люди, которые умеют их создавать.

Свет вернулся так же внезапно, как и исчез. Люстры вспыхнули разом, зал зааплодировал, и Аркадий позволил себе мысленно выдохнуть. Первый трюк всегда самый важный — он задаёт тон. И сейчас тон был правильный: публика в его власти.

— А теперь, — он хлопнул в ладоши, — мы переходим к главному. К тому, ради чего вы все сегодня собрались. К предсказанию.

На сцену выкатили большой стеклянный куб — прозрачный, идеально отполированный, с зеркальными гранями. Внутри куба, на вращающейся подставке, лежала колода карт. Не простых — Аркадий сам разработал их дизайн: рубашки были украшены тончайшей золотой вязью, а лица... лица он рисовал сам, вдохновляясь старинными гравюрами. Короли, дамы, валеты смотрели на публику с выражением древней, насмешливой мудрости.

— Перед вами, — объявил Аркадий, обходя куб по кругу, — колода судьбы. Каждая карта в ней — не просто символ. Это... ключ. Ключ к тому, что должно произойти сегодня в этом зале. Я прошу выйти сюда человека, который не боится узнать своё будущее.

Тишина. Люди переглядывались, но никто не решался встать. Это было ожидаемо — страх перед неизвестностью сильнее любого любопытства. Аркадий уже собирался выбрать жертву сам — у него было на примете несколько кандидатур, — когда в дальнем углу зала поднялась фигура.

— Я выйду.

Голос был низкий, уверенный, с лёгким кавказским акцентом. Аркадий обернулся, и его сердце пропустило один удар.

Дато Гогиберидзе, Князь, местный криминальный авторитет, поднимался со своего места. Ему было около шестидесяти — грузный, с седыми висками и тяжёлым взглядом исподлобья. На нём был безупречный чёрный костюм, а на мизинце правой руки поблёскивал перстень с огромным рубином. Двое охранников тут же вскочили, но он остановил их жестом — коротким, властным.

— Позвольте, я? — спросил он, и это был не вопрос.

Аркадий поклонился, пряча за улыбкой нахлынувшее напряжение.

— Разумеется, — сказал он, и его голос не дрогнул. — Прошу вас.

Князь поднялся на сцену не спеша, тяжело ступая. Зал замер. Это был не просто зритель — это был хозяин этого города, человек, чьё имя произносили шёпотом, человек, от решения которого зависели судьбы. И он вышел на сцену к иллюзионисту. Это было... неожиданно.

Аркадий открыл стеклянный куб — механизм с тихим щелчком разошёлся, и передняя грань откинулась, словно дверца. Он протянул руку к картам.

— Прошу вас, — повторил он. — Вытяните одну карту. Любую. Не глядя.

Князь смотрел на него тяжёлым, немигающим взглядом. Потом медленно, словно оказывая великую честь, протянул руку и вытянул карту из середины колоды. Он не стал смотреть на неё — просто держал, прижав к груди, как оружие.

— Скажите мне, — Аркадий отступил на шаг, и его голос приобрёл странную, гипнотическую мягкость, — что вы чувствуете? Что вы видите? Не смотрите на карту. Закройте глаза. Почувствуйте её.

Князь прикрыл веки. Его лицо оставалось непроницаемым, но что-то в нём изменилось — словно тень пробежала по этим жёстким чертам.

— Я вижу... — начал он, и его голос звучал глухо. — Я вижу чёрную воду. Ночь. И... огонь. Где-то далеко.

Аркадий кивнул, словно ожидая именно этих слов.

— А теперь откройте глаза и посмотрите на карту.

Князь открыл глаза. Перевернул карту.

На ней была изображена девочка — юная, с длинными тёмными волосами, в простом белом платье. Она стояла на берегу реки, и вода у её ног была чёрной, как чернила. Над её головой, в ночном небе, горела одинокая звезда. Под изображением, золотой вязью, было написано одно слово: «Потеря».

Зал ахнул.

Князь побледнел. Его лицо, только что невозмутимое, исказилось — на одно мгновение, но Аркадий заметил это. И запомнил.

— Что... — начал Князь, но Аркадий уже поднял руку, призывая к тишине.

— Это не конец, — сказал он мягко. — Это начало. Карта судьбы показывает не то, что случится, а то, что уже происходит. Прямо сейчас. В эту минуту.

Он повернулся к публике, раскинув руки.

— Дамы и господа! Карта, вытянутая нашим уважаемым гостем, — знак! Знак того, что сегодня в этом зале кто-то потеряет... или уже потерял... нечто драгоценное. И моя задача — не просто показать вам это. Моя задача — помочь найти.

По залу прокатился гул. Люди переглядывались, кто-то смеялся, кто-то хмурился. Но Князь стоял неподвижно, и в его глазах застыло выражение, которое Аркадий не смог прочесть. Это было... узнавание? Страх? Гнев?

— Что это значит? — спросил Князь, и его голос был тихим, опасным.

— Это значит, — ответил Аркадий, — что судьба уже сделала свой ход. Вопрос лишь в том, кто первым поймёт, что именно произошло.

Он щёлкнул пальцами, и свет снова мигнул. Когда он вернулся, карта в руке Князя была пустой — на ней не осталось ни изображения, ни надписи, только гладкий белый картон с золотой вязью на обороте.

Публика взорвалась аплодисментами. Кто-то кричал «Браво!», кто-то стучал ладонями по столам. Иллюзия была безупречной — Аркадий сам не понимал, как ему удалось проверить этот трюк с картой, которая менялась прямо в руках зрителя. Это был один из его лучших номеров, и он знал, что завтра о нём будет говорить весь город.

Но Князь не аплодировал.

Он стоял на сцене, держа в руках пустую карту, и смотрел на Аркадия так, словно видел его впервые. А потом, не говоря ни слова, повернулся и пошёл к выходу. Охрана бросилась за ним.

Аркадий смотрел ему вслед, и странное, тревожное чувство шевельнулось где-то в груди. Он не верил в предсказания — все его «пророчества» были тщательно спланированными трюками, основанными на психологии, наблюдательности и ловкости рук. Но что-то в лице Князя, когда тот смотрел на карту с девочкой... что-то было настоящее. Что-то, что Аркадий не мог объяснить.

Он отогнал эту мысль. Работа есть работа. Шоу продолжается.

Следующие полчаса пролетели как одно мгновение. Аркадий показывал один трюк за другим: исчезающие монеты, парящие в воздухе платки, чтение мыслей. Публика была в восторге — смеялась, ахала, хлопала. Ася ассистировала ему с безупречной точностью, подавая нужные предметы и уводя внимание зрителей в нужный момент. Всё шло идеально.

А потом зазвонил телефон.

Это был не его телефон. Аркадий никогда не носил с собой мобильный во время выступлений — это было частью его имиджа, частью той магии, которую он создавал. Звонок раздался из-за кулис, и через мгновение на сцену выбежала Ася, бледная как полотно.

— Маэстро, — прошептала она, и её голос дрожал. — Там... там проблема.

Аркадий извинился перед публикой — «Дамы и господа, прошу прощения, небольшой технический перерыв» — и отошёл к кулисам. Ася протянула ему телефон. На экране было сообщение от одного из его знакомых в полиции, которого он иногда использовал как источник информации.

«Дочь Князя пропала. Прямо из казино. Никто не видел, как она выходила. Князь в ярости. Он ищет тебя».

Аркадий почувствовал, как кровь отливает от лица.

Дочь Князя. Девочка с длинными тёмными волосами. Девочка с карты.

Он вспомнил, как Князь смотрел на него — с узнаванием, со страхом, с гневом. Вспомнил, как он говорил о чёрной воде и огне. Вспомнил, как карта в его руках стала пустой.

Это был трюк. Всего лишь трюк. Но Князь не знал об этом. Князь думал, что иллюзионист предсказал похищение. И теперь он считал, что иллюзионист — похититель.

— О, чёрт, — выдохнул Аркадий, и в этот момент в коридоре за кулисами послышались тяжёлые шаги.

Много шагов.

Он обернулся.

Из темноты коридора выступили фигуры — пятеро, шестеро, может, больше. Все в тёмных костюмах, все с холодными, ничего не выражающими лицами. Впереди шёл мужчина лет сорока, с перебитым носом и шрамом через бровь. Аркадий знал его — это был Гиви, правая рука Князя, человек, о жестокости которого ходили легенды.

— Маэстро Немо, — произнёс Гиви, и его голос был лишён всяких эмоций. — Князь хочет поговорить с тобой.

Аркадий сделал шаг назад. Потом ещё один.

— Я... разумеется, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Дайте мне минуту, я закончу шоу...

— Шоу закончено, — отрезал Гиви. — Князь хочет поговорить с тобой сейчас.

Он сделал знак, и двое охранников шагнули вперёд.

Аркадий не стал ждать. Он развернулся и побежал.

Всё, что произошло дальше, заняло, наверное, не больше тридцати секунд, но в его памяти эти секунды растянулись в целую вечность. Он бежал по коридору за кулисами — мимо ящиков с реквизитом, мимо осветительных пультов, мимо Аси, которая смотрела на него расширенными от ужаса глазами. За спиной слышались крики и топот погони.

Он свернул за угол и оказался в небольшой подсобке, где хранились дымовые машины и пиротехника. В голове мелькнула мысль — безумная, отчаянная, но единственно возможная. Он схватил первый попавшийся баллон с сжатым газом, рванул вентиль и швырнул баллон в коридор.

Облако густого белого дыма мгновенно заполнило пространство. Крики за спиной стали громче, кто-то выругался, кто-то упал. Аркадий нырнул в дым, как в реку, и поплыл — низко, на четвереньках, по памяти, потому что видеть что-либо в этой белой пелене было невозможно.

Он выбрался в другой коридор — служебный, ведущий к чёрному ходу. Здесь было темно и тихо. Он прижался к стене, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали.

Думай. Думай, чёрт возьми.

Он иллюзионист. Менталист. Человек, который зарабатывает на жизнь тем, что создаёт иллюзии. Но сейчас ему предстояло создать самую важную иллюзию в своей жизни — иллюзию собственной невиновности. Потому что если Князь поймает его, никто не будет разбираться, виноват он или нет. Князь не верит в случайности. Князь верит в месть.

Аркадий закрыл глаза и заставил себя дышать медленно, глубоко. Он вспомнил всё, что знал о казино «Империял» — каждый коридор, каждую дверь, каждый тайный ход. Он знал это здание лучше, чем его владельцы, потому что провёл здесь сотни часов, готовясь к выступлениям. Он знал, где находятся камеры, где — посты охраны, где — запасные выходы. И он знал, что у него есть один шанс.

Он открыл глаза.

— Что ж, — прошептал он, и в его голосе появилась странная, почти безумная уверенность. — Шоу должно продолжаться.

Он шагнул в темноту, и его тень скользнула по стене — высокая, причудливая, словно принадлежащая человеку, которого не существует.

Где-то в глубине казино, в одном из частных залов, Дато Гогиберидзе, Князь, сидел за столом, сжимая в руке пустую карту. Его дочь, Нино, девятнадцатилетняя студентка, исчезла два часа назад. Она вышла из зала — и не вернулась. Никто не видел её. Никто не слышал её крика. Она просто... исчезла.

А человек на сцене предсказал это.

Князь не верил в магию. Он верил в деньги, в силу, в страх. Но он видел карту. Он видел девочку на берегу чёрной воды. И он знал — это был знак. Знамение. Предупреждение.

И тот, кто его послал, — иллюзионист. Человек, который умеет заставлять людей видеть то, чего нет. Человек, который может похитить ребёнка и сделать так, что никто ничего не заметит.

Князь сжал карту так, что она смялась в его кулаке.

— Найдите его, — произнёс он тихо, и его голос был страшнее любого крика. — Найдите иллюзиониста. И приведите его ко мне. Живым.

Он помолчал, потом добавил:

— Или мёртвым. Мне всё равно. Главное — чтобы он сказал, где моя дочь.

Гиви кивнул и вышел.

Князь остался один. Он разжал кулак и посмотрел на смятую карту. На ней снова появилось изображение — девочка на берегу чёрной воды. И слово, написанное золотой вязью: «Потеря».

Он перевернул карту. На обороте, там, где раньше была пустота, теперь была надпись — тонкая, изящная, словно выведенная каллиграфическим пером:

«Она ещё жива. Но время идёт».

Князь уронил карту на стол.

Его руки дрожали.

А где-то в лабиринте коридоров и залов казино «Империял» Аркадий Соколовский, Маэстро Немо, иллюзионист и менталист, бежал сквозь тьму, и в его голове уже зрел план — безумный, отчаянный, гениальный. План, который превратит всё казино в одну огромную сцену. План, в котором свет, музыка и дым станут его оружием. План, который даст ему шанс выжить.

Он улыбнулся — в темноте, где никто не мог видеть его улыбки.

Финал шоу обещал быть незабываемым. Он бежал по служебному коридору, и каждый шаг отдавался в висках глухим, тяжёлым стуком. Дыхание вырывалось короткими облачками — в служебных помещениях казино всегда было прохладно, кондиционеры гнали воздух круглосуточно, не считаясь с тем, что где-то в залах люди потеют от азарта. Аркадий миновал поворот, притормозил у пожарного щита, рванул на себя дверцу. За ней, за стеклом, висели огнетушители, багры и топоры. Он схватил багор — тяжёлый, с крюком на конце, — и на секунду замер, прислушиваясь.

Тишина.

Это было хуже, чем топот погони. Тишина означала, что люди Князя не бегут за ним вслепую — они рассредоточились, перекрывают выходы, методично прочёсывают здание. Профессионалы. Гиви не послал бы за ним мальчиков, которые умеют только давить массой.

Аркадий прижался спиной к стене, закрыл глаза и заставил себя думать. Не паниковать. Паника — это враг иллюзиониста. Паника выдаёт руки, а руки — это главный инструмент. Он потратил двадцать лет на то, чтобы его руки двигались быстрее, чем взгляд зрителя. Сейчас это было вопросом жизни и смерти.

Итак, что он знает?

Первое: дочь Князя исчезла из казино. Два часа назад. Никто не видел, как она выходила. Это значит, что её либо вывели через служебные ходы, либо она всё ещё здесь. В здании площадью в несколько тысяч квадратных метров, с тремя подземными уровнями, с бесчисленными коридорами, подсобками, вентиляционными шахтами.

Второе: Князь считает его, Аркадия, похитителем. Из-за карты. Из-за этого проклятого трюка. И это было самое обидное — он сам подставил себя под удар. Судьба, будь она неладна, обладала отвратительным чувством юмора.

Третье: у него нет оружия. Багор не в счёт. Он иллюзионист, а не боец. Всё, что у него есть, — это знание здания, ловкость рук, актёрская игра и реквизит. Куча реквизита, разбросанного по гримёрке, по сцене, по подсобкам.

И четвёртое, самое важное: он не похищал девочку. Значит, похититель — кто-то другой. Кто-то, кто знал, что она здесь будет. Кто-то, кто спланировал это заранее.

Эта мысль заставила его открыть глаза.

Кто-то знал. И этот кто-то, возможно, до сих пор в здании. Прячется. Ждёт, когда можно будет вывести Нино — или уже вывел, но не через главный вход.

Аркадий улыбнулся. Впервые за последние минуты — искренне.

Если он найдёт настоящего похитителя, он спасёт и себя, и девочку. А для этого нужно было не убегать от людей Князя, а... использовать их. Направить по ложному следу. Заставить их делать то, что нужно ему.

Он снова стал иллюзионистом. Только теперь сцена была не в зале с позолоченными колоннами, а во всём этом огромном казино. А зрители... зрители держали пистолеты.

— Отлично, — прошептал он. — Начнём.

Первое, что он сделал, — снял смокинг. Жалко, конечно, костюм стоил как небольшая квартира, но белый пиджак с бабочкой делал его заметным, как снегирь в стае ворон. Под смокингом оказалась обычная чёрная рубашка — тонкая, облегающая, с длинными рукавами. В манжетах, как он помнил, были спрятаны тонкие стальные струны и несколько магнитных защёлок. Он проверил — на месте. Хорошо. Уже что-то.

Он свернул смокинг, засунул его под пожарный щит — потом, если выживет, заберёт. И двинулся дальше по коридору, стараясь держаться в тени.

Первый этаж казино «Империял» представлял собой лабиринт, где роскошь парадных залов соседствовала с утилитарной наготой служебных помещений. Аркадий знал этот лабиринт наизусть. Вот за этим поворотом — гардероб для персонала, где всегда полно униформы. Вот здесь — комната охраны, но там сейчас наверняка засели люди Гиви. А вот тут, за неприметной дверью без таблички, — щитовая.

Он остановился перед щитовой. Дверь была заперта, но замок был старый, механический, а Аркадий умел обращаться с замками — ещё один навык, приобретённый в те годы, когда он выступал в дешёвых цирках и зарабатывал на жизнь не только фокусами, но и умением открывать то, что открывать не полагалось.

Из манжеты выскользнула тонкая стальная струна. Он согнул её, вставил в замочную скважину, прислушался к тихим щелчкам внутри механизма. Три секунды. Пять. Щёлк.

Дверь открылась.

Внутри щитовой было темно и жарко — гудели трансформаторы, мигали лампочки на панелях. Аркадий нашёл главный рубильник и положил на него руку. Одна мысль — и всё казино погрузится в темноту. Но это было слишком грубо. Слишком очевидно. К тому же в темноте люди Гиви будут чувствовать себя как рыбы в воде — они привыкли к ночным операциям. А он, иллюзионист, привык к свету софитов.

Нет. Ему нужно было другое.

Он нашёл панель управления освещением сцены — она была связана с главным залом и с несколькими коридорами. Пальцы забегали по тумблерам. Он не собирался выключать свет — он собирался его перенастроить.

Когда он закончил, в коридорах казино стало происходить нечто странное. Свет начал мигать — не хаотично, а ритмично, словно подчиняясь чьей-то невидимой дирижёрской палочке. Яркие вспышки сменялись полумраком, тени на стенах прыгали, удлиннялись, искажались. В отдалении послышались удивлённые возгласы — видимо, и в игровых залах тоже.

Аркадий вышел из щитовой, чувствуя, как в груди разгорается азарт. Это было знакомое чувство — то самое, которое он испытывал перед выходом на сцену. Только теперь ставки были выше. Намного выше.

Он двинулся к главному залу. Туда, где всё началось. Туда, где исчезла девочка.

По дороге он наткнулся на первую проблему. Двое охранников Князя — молодые, широкоплечие, с одинаковыми короткими стрижками — стояли у входа в главный зал и о чём-то переговаривались. Один держал рацию, второй — фонарь, которым шарил по стенам, словно пытаясь понять, что происходит с освещением.

Аркадий прижался к стене за углом. Сердце снова застучало быстрее. Он мог бы попробовать проскочить мимо — в мигающем свете, в полумраке, — но риск был слишком велик. Эти парни наверняка умеют стрелять. А он умеет только исчезать.

Значит, нужно исчезнуть.

Он огляделся. Рядом, в нише, стояла тележка с грязной посудой — видимо, кто-то из персонала бросил её, когда началась суматоха. На тележке лежали перевернутые бокалы, тарелки, серебряные приборы. И — о счастье! — белая салфетка, накрахмаленная, сложенная вчетверо.

Аркадий схватил салфетку, развернул её, накинул на голову, как капюшон. Потом вытащил из ниши ещё одну вещь — длинный фартук официанта, забытый на крючке. Надел. Завязал на спине. Теперь он был похож на усталого работника, который тащит посуду на кухню.

Он взялся за тележку и покатыл её прямо на охранников.

— Эй! — крикнул он, стараясь придать голосу испуганное, почти паническое звучание. — Там... там в зале что-то происходит! Свет мигает, люди кричат! Я не знаю, что делать!

Охранники переглянулись. Один из них — тот, что с рацией, — нахмурился.

— Стой здесь, — бросил он второму. — Я проверю.

И шагнул в зал.

Аркадий, продолжая толкать тележку, поравнялся со вторым охранником. Тот смотрел вслед напарнику, и в этот момент иллюзионист сделал то, что делал сотни раз на сцене: лёгкое, почти незаметное движение рукой. Струна, спрятанная в манжете, метнулась вперёд, обвила ножку ближайшего столика — и рванула.

Столик опрокинулся с грохотом. Охранник рефлекторно обернулся на шум — на долю секунды. Этого хватило. Аркадий шагнул вперёд, поймал его за плечо и с силой, которой сам от себя не ожидал, толкнул в сторону опрокинутого столика. Охранник споткнулся, взмахнул руками и рухнул на пол, ударившись головой о край мраморной столешницы. Глухой стук. Тишина.

— Прости, друг, — пробормотал Аркадий, наклоняясь. — Ничего личного.

Он вытащил у охранника рацию и пистолет. Оружие он брать не стал — не умел обращаться, а пугать людей тем, чем не умеешь пользоваться, — верный способ получить пулю в лоб. А вот рация пригодилась. Он сунул её в карман фартука.

И вошёл в главный зал.

То, что он увидел, заставило его замереть на месте.

Зал был пуст. Ещё полчаса назад здесь сидели сотни людей, играли в рулетку, пили шампанское, аплодировали ему. Теперь — ни души. Только опрокинутые стулья, брошенные стаканы, рассыпанные по зелёному сукну фишки. Люстры мигали, подчиняясь его настройкам, и в этом хаотичном свете всё выглядело сюрреалистично, словно декорации к фильму ужасов.

И в центре зала, на том самом месте, где ещё недавно стоял стеклянный куб с картами, лежала женская сумочка. Маленькая, чёрная, с золотой цепочкой. Аркадий подошёл, присел на корточки. Открыл. Внутри — телефон, помада, ключи, кошелек. И студенческий билет.

«Нино Гогиберидзе. Университет искусств. Третий курс».

Он смотрел на фотографию — юное лицо, тёмные волосы, ясные глаза, — и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Совсем ещё девочка. Девятнадцать лет. Она сидела где-то в этом зале, смотрела его шоу, смеялась над шутками, а потом... что?

Что произошло потом?

Он оглядел зал. Внимательно, как делал всегда перед выступлением, когда изучал пространство. Сцена. Столы. Барная стойка. Выходы — их было четыре: главный, два служебных и один пожарный. Камеры наблюдения — он знал, где они, сам помогал их устанавливать два года назад, когда готовил номер с исчезновением.

Камеры.

Аркадий вскочил. Ну конечно. Камеры. Если девочка исчезла, значит, это зафиксировала хотя бы одна из них. Нужно просто посмотреть записи. А для этого — попасть в комнату охраны. Ту самую, где сейчас, скорее всего, сидят люди Гиви.

Он уже развернулся, чтобы идти, когда услышал за спиной тихий звук. Шорох. Словно кто-то провёл тканью по бархату.

Аркадий замер.

Медленно обернулся.

Никого.

Только мигающий свет, опрокинутые стулья, брошенные стаканы. И тишина.

Но он знал этот звук. Это был не ветер, не кондиционер. Это был человек. Кто-то был здесь. Прятался. Смотрел.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал Аркадий негромко, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я не из людей Князя. Я иллюзионист. Тот, который выступал на сцене. И я знаю, что ты не похищал девочку. Похититель — кто-то другой. Но если ты не выйдешь, нас обоих поймают, и тогда нам конец.

Тишина.

Потом, из-за барной стойки, медленно поднялась фигура. Мужчина. Худой, в тёмном свитере, с бледным лицом и глазами, которые бегали, как у загнанного зверя. В руках он держал что-то — небольшой чёрный предмет. Аркадий напрягся, но через секунду понял: это не пистолет. Это телефон. Обычный мобильный телефон.

— Вы... вы правда иллюзионист? — спросил незнакомец дрожащим голосом. — Тот самый, который на сцене? Который предсказал...

— Да, — быстро сказал Аркадий. — Но я ничего не предсказывал. Это был трюк. Я не знал, что девочка исчезнет. Клянусь.

Мужчина смотрел на него, и в его глазах боролись страх и надежда.

— Я... я видел, — прошептал он. — Я видел, как её увели.

Аркадий почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Кто? Кто её увёл?

— Я не знаю. Я не рассмотрел лицо. Но... — мужчина сглотнул. — Это был не мужчина. Женщина. Высокая, в чёрном. Она подошла к девочке, что-то сказала, и они вместе вышли. Через пожарный выход. Я подумал... я подумал, это её мать или кто-то из родных. Но потом началась суматоха, и я понял, что что-то не так.

Аркадий шагнул к нему.

— Ты можешь описать её? Женщину? Во что она была одета? Как выглядела?

— Я... — мужчина замялся. — Я не разглядел. Только... у неё были волосы. Очень светлые. Почти белые. И... она хромала. Слегка. На левую ногу.

Белые волосы. Хромота. Аркадий лихорадочно соображал. Он знал многих людей в этом городе — артистов, музыкантов, циркачей. Знал почти всех, кто имел отношение к миру иллюзий и сцены. И среди них была одна женщина... Светлые волосы. Хромота.

— Лидия, — прошептал он. — Лидия Верещагина.

Он не видел её пять лет. Когда-то она была его партнёршей — ассистенткой в номерах, потом соавтором, потом... потом они поссорились. Сильно. Она ушла, хлопнув дверью, и он слышал, что она уехала из города. Но если она вернулась...

— Кто она? — спросил мужчина.

— Моя бывшая партнёрша, — ответил Аркадий, и в его голосе прозвучала горечь. — Талантливая. Умная. И, как выяснилось, мстительная.

Он не знал, зачем Лидии понадобилась дочь Князя. Может, деньги. Может, что-то личное. Но он знал одно: если это действительно она, то девочка, скорее всего, ещё в здании. Лидия не стала бы рисковать, выходя через главный вход, где полно охраны. У неё наверняка есть план. И этот план включал отход через подземные уровни.

Аркадий повернулся к мужчине.

— Спасибо, — сказал он. — Ты мне очень помог. А теперь беги. Выбирайся отсюда, пока можешь. И если тебя поймают люди Князя, скажи им, что иллюзионист пошёл в подвал. Понял? В подвал.

Мужчина кивнул и, спотыкаясь, побежал к главному выходу.

Аркадий остался один. Он снова посмотрел на сумочку, на фотографию в студенческом билете. Девочка с ясными глазами. Она была где-то здесь. В темноте. С женщиной, которая умела исчезать не хуже него самого.

Он поднял с пола упавшую фишку — красную, с золотой каймой, — и задумчиво покрутил её в пальцах. Потом улыбнулся.

— Что ж, Лидия, — сказал он тихо. — Ты хотела устроить представление? Я его устрою. Только на этот раз главный номер будет мой.

Он бросил фишку на стол. Она покатилась, звякнула, упала. А Аркадий уже шёл к служебной лестнице, ведущей в подземные уровни, где располагались склады, технические помещения и — он знал это точно — старый винный погреб, который давно не использовался.

Там было темно. Там было тихо. И там, если повезёт, он найдёт то, что ищет.

На лестнице он остановился, вытащил из кармана рацию и нажал кнопку.

— Внимание, — сказал он в неё, стараясь подражать голосу Гиви. — Всем постам. Иллюзионист замечен на третьем этаже, в восточном крыле. Повторяю: третий этаж, восточное крыло. Перекрыть выходы.

Он отпустил кнопку и улыбнулся.

Пусть бегут. Пусть ищут. Пока они будут обыскивать третий этаж, он будет в подвале. А если повезёт, то найдёт девочку раньше, чем они поймут, что их обманули.

Он начал спускаться.

Ступени были крутые, каменные, покрытые пылью. Свет здесь не мигал — тут вообще не было света, только тусклые аварийные лампы под потолком, разгонявшие темноту на пару шагов. Аркадий шёл медленно, держась за стену. Пахло сыростью, вином и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым. Запах старого дерева и пыли.

На втором подземном уровне он услышал голоса. Два мужских голоса, тихие, но отчётливые. Он прижался к стене и замер.

— ...она сказала ждать здесь. Не высовываться.

— А если Князь найдёт?

— Она сказала, всё будет нормально. Она знает, что делает.

Аркадий выглянул из-за угла. Двое мужчин в тёмных куртках стояли у двери в конце коридора. Оба с пистолетами. Оба нервничали.

Значит, Лидия наняла людей. Наняла для похищения дочери Князя. Это было уже серьёзно. Это была не просто месть — это была спланированная операция.

Аркадий отступил в тень. Ему нужно было попасть в ту дверь. Но как? Двое вооружённых людей, а он с багром и струной.

Он вспомнил про дымовые машины. Они были на первом подземном уровне, в подсобке, где он прятался. Если он сможет пробраться туда, взять баллон с дымом, вернуться сюда...

Но это займёт время. А времени у него не было.

И тут его осенило.

Он снова достал рацию.

— Внимание, — сказал он, снова подражая Гиви. — Второй подземный уровень, сектор «Б». Обнаружен иллюзионист. Всем группам — немедленно туда. Повторяю: сектор «Б», второй подземный уровень.

Он отпустил кнопку и прислушался.

Через несколько секунд рация у одного из охранников у двери запищала. Тот поднёс её к уху, выслушал, кивнул.

— Понял, — сказал он. — Идём.

И они ушли — быстро, почти бегом, в противоположную от Аркадия сторону.

Аркадий выждал ещё несколько секунд, потом вышел из тени и подошёл к двери. Она была заперта — но замок был простой, из тех, что открываются за секунду. Он справился за две.

Дверь открылась.

За ней была комната — небольшая, с низким потолком, заставленная старыми винными бочками. В углу, на стуле, сидела девушка. Руки связаны за спиной, во рту кляп, глаза расширены от страха. Тёмные волосы растрепались, на щеке — ссадина. Она смотрела на него, и в её взгляде были ужас, надежда и что-то ещё — что-то отчаянное.

Нино Гогиберидзе.

Аркадий шагнул к ней, поднял руки, показывая, что не опасен.

— Тихо, — прошептал он. — Я не из них. Я... я тот, кто выступал на сцене. Маэстро Немо. Я здесь, чтобы вытащить тебя.

Он вытащил кляп из её рта. Девушка закашлялась, глубоко вздохнула.

— Кто вы? — прошептала она, и голос её дрожал. — Почему вы здесь?

— Долго объяснять, — сказал Аркадий, перерезая верёвки струной. — Главное — твой отец думает, что это я тебя похитил. И он хочет меня убить. Так что если мы не выберемся отсюда вместе, у нас обоих будут большие проблемы.

Нино смотрела на него, не мигая. Потом вдруг улыбнулась — слабо, но искренне.

— Вы правда иллюзионист? — спросила она.

— Самый настоящий.

— Тогда... — она поёжилась, — сделайте что-нибудь. Пожалуйста. Я не хочу умирать в винном погребе.

Аркадий помог ей встать. Ноги у неё были слабые — видимо, её держали здесь несколько часов. Он придержал её за плечо.

— Обещаю, — сказал он. — Умрём не в винном погребе. Если уж умирать, то на сцене. С музыкой и аплодисментами.

Она посмотрела на него — и вдруг приснула. Нервно, истерически, но это был смех. Аркадий улыбнулся.

— Вот так-то лучше. А теперь идём. Нам ещё нужно устроить финал шоу.

Глава 2. Побег со сцены

Они вышли из винного погреба, и Аркадий сразу же приник к стене, прислушиваясь. Где-то наверху, на первом этаже, слышались глухие удары — словно кто-то ломился в запертую дверь. Люди Князя. Пока что его обман работал, но это не могло длиться вечно. Рано или поздно они поймут, что их водят за нос, и тогда начнётся настоящая охота.

— Идите за мной, — прошептал он, обернувшись к Нино. — И не отставайте. Здесь темно, но я знаю дорогу.

— А если я упаду?

— Тогда я вас поймаю. Я же иллюзионист. У меня реакция — как у кошки.

— Вы говорите это так, будто это должно меня успокоить, — ответила Нино, но в её голосе уже не было прежнего страха. Появилась какая-то нервная, почти хулиганская нотка.

Аркадий усмехнулся в темноте. Девочка оказалась с характером. Это было хорошо. Слабые не выживают в передрягах.

Они двинулись по коридору — Аркадий впереди, Нино за ним, держась за его рубашку. В подzemелье пахло сыростью и старым вином, из вентиляционных решёток тянуло холодом. Аварийные лампы мигали через равные промежутки, и в их мертвенном свете лица казались серыми, как у призраков.

— Кто вы такой? — спросила Нино шёпотом. — Ну, я имею в виду, правда. Не сцена. Не Маэстро Немо. Кто вы?

Аркадий помолчал, сворачивая за угол. Потом ответил:

— Аркадий Сергеевич Соколовский. Тридцать восемь лет. Родился в Одессе, вырос в Москве, выступаю с шестнадцати. Начинать в цирке — ассистировал у старого фокусника, который учил меня всему: картам, монетам, гипнозу. Потом был театр, потом эстрада, потом... вот это всё.

— И вы правда умеете... ну, читать мысли?

— Нет, — честно сказал Аркадий. — Я умею читать людей. Это разные вещи. Я вижу, как человек дышит, как он стоит, куда смотрит, как двигаются его зрачки. По этим признакам можно угадать, о чём он думает, что чувствует, чего боится. Это не магия. Это... наблюдательность, доведённая до автоматизма.

— А карта? Та, которую вытянул отец?

Аркадий остановился. Обернулся. В темноте он едва различал её лицо — бледное пятно с тёмными провалами глаз.

— Это был трюк, — сказал он тихо. — Я не знал, что ты исчезнешь. Я вообще не знал, что ты существуешь. Я готовил этот номер несколько недель — с картами, с предсказанием. Но я не предсказывал похищение. Я просто... показывал фокус.

Нино долго молчала. Потом сказала:

— Значит, это совпадение?

— Совпадение, — кивнул Аркадий. — Ирония судьбы. Злая, жестокая ирония.

— Отец не верит в совпадения.

— Я знаю. Поэтому мы и бежим.

Они двинулись дальше. Коридор разветвлялся — налево шла узкая труба, ведущая к вентиляционной шахте, направо — широкий проход к грузовому лифту. Аркадий выбрал лифт. Шахта была надёжнее, но слишком медленной, а времени у них было в обрез.

У лифта он остановился, нажал кнопку. Где-то в глубине здания загудел мотор. Двери открылись с лязгом, из кабины пахло машинным маслом и пылью.

— Внутрь, — скомандовал Аркадий. — Быстро.

Нино шагнула в кабину, он за ней. Нажал кнопку первого этажа. Двери закрылись.

Лифт пополз вверх — медленно, с дрожью, словно нехотя.

— Что мы будем делать, когда выберемся? — спросила Нино, прислонившись к стене.
— У отца везде люди. Он найдёт нас.

— Не найдёт, если мы найдём Лидию раньше.

— Кто это?

— Женщина, которая тебя похитила. Моя бывшая партнёрша. — Аркадий посмотрел на неё. — Ты видела её? Можешь описать?

Нино нахмурилась, вспоминая.

— Высокая. Худая. Волосы светлые, почти белые. Одета во всё чёрное. И... она хромила. Слегка. На левую ногу.

— Это она, — выдохнул Аркадий. — Лидия Верещагина. Чёртова кукла.

— Вы её знаете?

— Знал. Пять лет назад. Мы работали вместе — она была моей ассистенткой, потом соавтором. У неё были золотые руки и ледяное сердце. Мы поссорились... крупно. Она уехала. Я думал, навсегда.

— Из-за чего поссорились?

Аркадий поморщился. Это была старая рана, которую он не любил ворошить.

— Из-за номера. Она хотела делать шоу, где риск был настоящим. Не иллюзия, а реальная опасность. Я отказался. Сказал, что мы артисты, а не самоубийцы. Она назвала меня трусом. Ушла. И вот — вернулась.

— И похитила меня, чтобы добраться до вас?

— Похоже на то. — Аркадий покачал головой. — Она всегда была... одержимой. Когда что-то шло не по её, она не сдавалась. Она вынашивала план. Годами. И вот — дождалась.

Лифт остановился. Двери открылись.

Аркадий выглянул. Первый этаж. Служебный коридор, ведущий к главному залу. Здесь было тихо — ни охраны, ни людей Князя. Только мигающий свет и гул кондиционеров.

— Идём, — прошептал он. — Тихо.

Они вышли из лифта. Аркадий придержал Нино за локоть, помогая ей ступить на пол. Девушка всё ещё была слабой — сказывались часы, проведённые связанной в холодном погребе.

— Куда теперь? — спросила она.

— В комнату охраны. Там есть записи с камер. Если мы посмотрим, то сможем узнать, куда Лидия увела тебя и где она может быть сейчас.

— А если там люди отца?

— Тогда я что-нибудь придумаю.

Они двинулись по коридору. Аркадий считал двери — вот подсобка, вот щитовая, вот комната отдыха персонала. Комната охраны была в конце, за поворотом. Он замедлил шаг, жестом приказав Нино остановиться.

Прислушался.

Тишина. Но не та подозрительная, звенящая тишина, которая означала засаду. Обычная тишина пустого помещения. Он осторожно выглянул из-за угла.

Комната охраны была пуста. Дверь приоткрыта, внутри горел свет — тусклый, мерцающий. На столе стояли мониторы, показывающие изображения с камер. На одном из них Аркадий увидел самого себя — точнее, свою спину, удаляющуюся по коридору. Он поспешно отступил.

— Пусто, — сказал он. — Быстро внутрь.

Они вошли. Аркадий сразу же закрыл дверь, запер на засов. Комната была маленькой — стол, три монитора, стеллаж с документами, старая кофеварка в углу. Пахло кофе и пылью.

— Смотри, — Аркадий указал на мониторы. — Вот камеры в главном зале, вот коридоры, вот выходы. Нужно найти запись за последние два часа.

Он сел за стол, защёлкал мышкой. Нино стояла рядом, вглядываясь в экраны.

— Вот, — вдруг сказала она, указывая пальцем. — Это я. Вон там. Видите?

Аркадий присмотрелся. На записи — главный зал, люди, столики. Вот он сам на сцене, размахивает руками. А вот в углу, у бара, — девушка в белом платье. Нино. Она сидит одна, смотрит на сцену. Потом к ней подходит женщина. Высокая, в чёрном, со светлыми волосами. Что-то говорит. Нино кивает, встаёт, и они вместе идут к выходу.

— Вот! — воскликнул Аркадий. — Вот она, Лидия. Видишь? Она подошла к тебе. Что она сказала?

Нино нахмурилась, вспоминая.

— Она сказала... что вы хотите меня видеть. Что у вас для меня сюрприз. Что вы ждёте в подсобке.

— И ты пошла?

— Она была так уверена. И... я подумала, что это часть шоу. Что вы правда хотите со мной поговорить. Я же смотрела ваше выступление. Думала, это... ну, интерактив.

Аркадий вздохнул.

— Лидия всегда умела убеждать. Это был её главный талант. Не фокусы — а умение заставить человека поверить.

Он отмотал запись назад, потом вперёд. Вот Лидия выводит Нино из зала. Вот они идут по коридору — туда, где камеры уже не достают. Вот Лидия оборачивается, словно чувствуя наблюдение, и смотрит прямо в объектив. На мгновение её лицо появляется на экране — бледное, с резкими чертами, с тонкой улыбкой на губах. Она знала, что её видят. И улыбалась.

— Она хочет, чтобы я это увидел, — прошептал Аркадий.

— Почему?

— Потому что она играет со мной. Как всегда. Она знает, что я приду за ней. Она ждёт. Нино смотрела на него с тревогой.

— Значит, это ловушка?

— Конечно, ловушка. Но у нас нет выбора. Если я не найду её, твой отец найдёт меня. И тогда мне конец.

Он поднялся, прошёлся по комнате. В голове лихорадочно крутились мысли. Лидия где-то здесь. В здании. У неё есть план — она всегда была хорошим стратегом. Она знает, что он придёт. Она готовится.

Что она может сделать? Где спрятаться?

Он вспомнил планировку казино — все этажи, все помещения. Третий этаж — ресторан и номера для VIP-гостей. Второй — игровые залы. Первый — главный зал и служебные помещения. Подземные уровни — склады, техника, винный погреб.

Где бы она стала прятаться? Где-то, где её не найдут люди Князя. Где-то, где она может контролировать ситуацию.

И тут его осенило.

— Сцена, — сказал он.

— Что?

— Главная сцена. Она там. Это единственное место, которое она знает так же хорошо, как я. Она помогала мне готовить номера. Она знает все механизмы, все люки, все тайники. Она там.

Он бросился к двери, но остановился. Обернулся к Нино.

— Ты должна остаться здесь.

— Что? Нет! — девушка вскинулась. — Я не останусь одна!

— Здесь безопасно. Дверь заперта, камеры работают, я буду видеть тебя с мониторов. А если я возьму тебя с собой, ты можешь пострадать.

— Я уже пострадала! — огрызнулась Нино. — Меня похитили, связали, держали в винном погребе! Я больше не хочу быть жертвой! Я хочу помочь!

Аркадий посмотрел на неё. В её глазах горел тот самый огонь — упрямый, отчаянный, живой. Он узнал этот огонь. Он видел его в зеркале много лет назад.

— Ладно, — сказал он. — Но ты будешь делать то, что я скажу. Ни шагу в сторону. Поняла?

— Поняла.

— И если что-то пойдёт не так — беги. Не оглядывайся. Найдёшь выход через кухню, там есть чёрный ход.

Нино кивнула.

Аркадий открыл дверь. Коридор был пуст. Они вышли, и он снова запер дверь — на всякий случай.

До главного зала было два поворота. Аркадий шёл быстро, но осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Нино держалась рядом, и он чувствовал, как она напряжена — как сжатая пружина.

В главном зале по-прежнему мигал свет. Брошенные стулья, опрокинутые столы, пустые бутылки. Сцена в глубине выглядела зловеще — тёмный провал, в котором угадывались очертания кулис и задника.

Аркадий подошёл к сцене, запрыгнул на неё. Нино осталась внизу — как он и велел.

— Лидия! — позвал он. — Я знаю, что ты здесь. Выходи.

Тишина.

Он сделал шаг вперёд. Ещё один. Прошёл мимо того места, где стоял стеклянный куб с картами. Куб валялся на боку, разбитый — видимо, кто-то из людей Князя в ярости опрокинул его. Осколки хрустели под ногами.

— Лидия, — повторил он. — Хватит прятаться. Ты хотела меня видеть — я здесь.

За кулисами что-то щёлкнуло. Аркадий замер.

Потом из темноты раздался голос — низкий, женский, с лёгкой хрипотцой. Голос, который он не слышал пять лет.

— Здравствуй, Аркаша. Ты постарел.

Она вышла из-за кулис. Высокая, худая, в чёрном облегающем платье. Светлые волосы падали на плечи, как снег. На левой ноге — изящная трость. Она улыбалась — той самой улыбкой, которую он помнил: насмешливой, уверенной, опасной.

— Лидия, — выдохнул Аркадий. — Ты всё-таки вернулась.

— Вернулась, — согласилась она. — Специально ради тебя.

— И похитила дочь Князя. Чтобы что? Досадить мне?

Лидия рассмеялась — коротко, зло.

— Досадить? Аркаша, ты всё ещё думаешь, что мир вращается вокруг тебя? Нет. Это не месть. Это... сделка.

— Сделка?

— Да. — Она сделала шаг вперёд, опираясь на трость. — Князь задолжал очень влиятельным людям. Очень много денег. Эти люди наняли меня, чтобы я напомнила ему о долге. Похищение дочери — это... скажем так, убедительный аргумент.

Аркадий смотрел на неё, не веря своим ушам.

— Ты работаешь на бандитов?

— Я работаю на тех, кто платит. Ты всегда был слишком благородным, Аркаша. Слишком правильным. Это тебя и погубит.

— И при чём тут я? Зачем ты подставила меня?

Лидия улыбнулась — на этот раз мягче.

— А ты не понял? Мне нужен был козёл отпущения. Кто-то, на кого Князь подумает в первую очередь. И тут — такой подарок судьбы. Иллюзионист, который предсказывает похищение прямо на сцене. Кто бы мог подумать, что ты сам себя подставишь?

Аркадий почувствовал, как внутри закипает злость. Она использовала его. Как всегда. Как марионетку.

— Ты всегда была дрянью, — сказал он тихо.

— А ты всегда был наивным идиотом, — парировала Лидия. — И это не изменилось.

Она шагнула к нему, и в её руке блеснул пистолет — маленький, чёрный, женственный.

— А теперь, — сказала она, — ты сделаешь то, что я скажу. Или я выстрелю. И поверь — я не промахнусь.

Аркадий поднял руки. В голове лихорадочно крутились мысли. Он не мог победить её силой. Но он был иллюзионистом. А иллюзия — это оружие, которое всегда с тобой.

— Хорошо, — сказал он. — Что ты хочешь?

— Для начала — ты расскажешь Князю, что это ты похитил его дочь. Что ты один во всём виноват. А потом... — она улыбнулась, — потом мы посмотрим.

— А если я откажусь?

— Тогда я убью тебя. А девочку... — Лидия пожала плечами. — Девочку я оставлю здесь. Князь найдёт её рано или поздно. Или не найдёт. Мне всё равно.

Аркадий смотрел на неё и понимал: она не блефует. Она действительно была готова убить. Пять лет сделали её жёстче. Холоднее. Страшнее.

Но он тоже изменился. Он больше не был тем наивным молодым человеком, который боялся рисковать. Он был Маэстро Немо. Человеком, который умел заставить людей поверить в невозможное.

Он посмотрел ей за спину — туда, где в темноте кулис пряталась Нино. Девушка смотрела на него, и в её глазах был вопрос: что делать?

Аркадий чуть заметно кивнул. Один раз. И перевёл взгляд на Лидию.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю, как ты хочешь.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Лидия напряглась, но не выстрелила — она была уверена в своей победе.

— Умница, — сказала она. — Всегда знала, что ты...

Она не договорила.

Потому что в этот момент Аркадий сделал то, что делал сотни раз на сцене: резкое, неуловимое движение рукой. Струна, спрятанная в манжете, метнулась вперёд и обвила трость. Он рванул — и Лидия, потеряв опору, покачнулась. Пистолет в её руке дрогнул, выстрел ушёл в потолок.

А Нино, выскочив из-за кулис, схватила с пола обломок стеклянного куба и со всей силы швырнула его в Лидию. Осколок ударил её в плечо, женщина вскрикнула, выронила пистолет.

Аркадий бросился вперёд, схватил её за руки, прижал к стене.

— Лежи, — прошипел он. — Не дёргайся.

Лидия смотрела на него, и в её глазах была ярость. Но и что-то ещё — удивление. Она не ожидала, что он сможет дать отпор.

— Ты... — начала она.

— Молчи, — оборвал он. — Ты проиграла, Лидия. В этот раз — проиграла.

Он обернулся к Нино.

— Ты как?

— Нормально, — выдохнула девушка. — Кажется, я сломала ноготь.

Аркадий усмехнулся.

— Это цена свободы. Смирись.

Он посмотрел на Лидию, потом на пистолет, валявшийся на полу. Потом на Нино.

— А теперь, — сказал он, — нам нужно решить одну проблему. Твой отец. Он всё ещё думает, что я тебя похитил.

Нино кивнула.

— Я скажу ему правду. Что это она, — девушка кивнула на Лидию, — меня украла. Что вы меня спасли.

— Он поверит?

— Он поверит мне. Я его дочь.

Аркадий посмотрел на Лидию, которая всё ещё стояла у стены, сжав зубы от боли и злости.

— А с ней что делать?

Нино задумалась. Потом улыбнулась — той самой улыбкой, которая, видимо, была семейной чертой Гогиберидзе.

— Думаю, отец захочет с ней поговорить.

Аркадий кивнул.

— Что ж. Тогда идём. Финал шоу. Только на этот раз — без дыма и зеркал.

Он поднял пистолет Лидии, засунул его за пояс. Потом взял её за плечо и подтолкнул к выходу со сцены.

— Идём, — сказал он. — Ты хотела представление? Ты его получишь. Они шли по коридору втроём: Аркадий впереди, Лидия посередине, Нино замыкала шествие. Пистолет, засунутый за пояс, неприятно давил на живот, но Аркадий старался не думать об этом. Он никогда не любил оружие. Оно было слишком честным — в отличие от иллюзий, которые всегда оставляли пространство для манёвра.

Лидия шла молча, но её молчание было злым, тяжёлым, как грозовая туча. Она то и дело поглядывала по сторонам — выжидала, высчитывала, искала лазейку. Аркадий знал этот взгляд. Он видел его много лет назад, когда они работали вместе и она готовила очередной трюк, который должен был стать «революцией в жанре». Тогда это закончилось скандалом. Сейчас — похищением.

— Не дёргайся, — сказал он, не оборачиваясь. — Я знаю, о чём ты думаешь.

— О чём же? — спросила Лидия с ледяной вежливостью.

— О том, как бы сбежать. Или как бы добраться до пистолета. Или как бы убедить меня, что ты не виновата.

— Ты всегда был самоуверенным.

— А ты всегда была предсказуемой.

Лидия фыркнула, но ничего не ответила. Нино, шедшая позади, тихо хихикнула.

— Что? — обернулся Аркадий.

— Ничего, — сказала девушка, но в её глазах плясали смешинки. — Просто... вы как будто на сцене. Всё время. Даже сейчас.

— Это профессиональное, — вздохнул Аркадий. — Когда двадцать лет живёшь на сцене, перестаёшь понимать, где заканчивается игра и начинается жизнь.

— Философия, — презрительно бросила Лидия. — Ты всегда прятался за умными словами, когда не знал, что делать.

Аркадий промолчал. Она была права — отчасти. Он действительно часто прятался за словами. Но сейчас было не время для самокопания.

Они дошли до лестницы, ведущей на первый этаж. Здесь было темнее — аварийные лампы почти не горели, только одна тускло мерцала у потолка. Аркадий остановился, прислушался. Наверху — тишина. Слишком тихая.

— Странно, — пробормотал он.

— Что странно? — спросила Нино.

— Люди твоего отца. Они должны были обыскать всё здание. Но их не слышно. Ни шагов, ни голосов.

Лидия вдруг улыбнулась — той самой улыбкой, которая Аркадию всегда не нравилась.

— Может, они уже нашли то, что искали?

Аркадий резко обернулся к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — Лидия пожала плечами. — Просто мысль.

Но Аркадий уже понял. Он понял, что что-то не сходится. Лидия не стала бы так рисковать, если бы у неё не было запасного плана. А значит... значит, был кто-то ещё. Кто-то, кто должен был подстраховать её. Кто-то, кто, возможно, уже ждал их наверху.

— Быстро, — сказал он, подталкивая Лидию к лестнице. — Вверх. И без фокусов.

Они поднялись на первый этаж. Коридор был пуст — но это была неправильная пустота. Такая, какая бывает в фильмах перед тем, как из-за угла выскочит что-то ужасное.

Аркадий шагнул вперёд — и остановился.

Потому что из-за угла действительно выскочило.

Только не что-то ужасное. А кто-то.

Гиви.

Правая рука Князя стоял посреди коридора, широко расставив ноги, и в его руке был пистолет. За ним — ещё трое. Все вооружённые. Все смотрели на Аркадия так, словно он был ходячим трупом.

— Стоять, — сказал Гиви. — Не двигаться.

Аркадий замер. Лидия рядом с ним напряглась — он чувствовал, как она подалась вперёд, словно готовясь бежать.

— Гиви, — сказал Аркадий, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я могу всё объяснить.

— Объяснишь Князю, — отрезал Гиви. — Он ждёт.

— Это не я похитил девочку. Вот она, — Аркадий кивнул на Нино. — Она жива и невредима. Я её вытащил.

Гиви перевёл взгляд на Нино. Девушка шагнула вперёд, и Аркадий заметил, как изменилось её лицо — из испуганной девочки она превратилась в дочь Князя. Спина прямая, подбородок поднят, глаза холодные.

— Гиви, — сказала она, и в её голосе появилась та самая властность, которую Аркадий слышал в голосе её отца. — Опустить пистолет. Этот человек спас меня.

Гиви нахмурился.

— Нино, девочка, ты...

— Я сказала — опустить пистолет, — повторила она. — Или ты хочешь, чтобы я рассказала отцу, как ты не послушал его дочь?

Гиви колебался. Аркадий видел, как в его голове борются инстинкт солдата и страх перед гневом Князя. Страх победил. Гиви медленно опустил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Но Князь всё равно хочет его видеть.

— Мы идём к нему, — кивнула Нино. — Все вместе.

Она обернулась к Аркадию и подмигнула. Одно движение ресниц — быстрое, почти незаметное. Аркадий едва не рассмеялся. Девочка оказалась прирождённой актрисой. Видимо, гены.

Гиви и его люди окружили их — не грубо, но плотно. Аркадий чувствовал на себе взгляды, полные подозрения. Он не винил их. На их месте он бы тоже не доверял человеку, которого обвинили в похищении.

Они шли по коридорам казино — мимо игровых залов, мимо бара, мимо ресторана. Везде было пусто. Посетителей вывели, персонал разбежался. Только охрана Князя стояла на постах, мрачная и молчаливая.

Князь ждал в VIP-зале на третьем этаже. Это было просторное помещение с панорамными окнами, кожаными диванами и огромным столом из чёрного дерева. На столе стояла бутылка коньяка и хрустальная пепельница. За окном раскинулся ночной город — огни, огни, огни до самого горизонта.

Дато Гогиберидзе сидел в кресле у окна. Он не встал, когда они вошли. Только повернул голову — медленно, тяжело — и посмотрел на Аркадия. Взгляд у него был как у старого льва: усталый, но всё ещё опасный.

— Вот он, — сказал Князь. — Иллюзионист.

— Дато, — начала Нино, но отец поднял руку, и она замолчала.

— Потом, — сказал он. — Сначала я хочу услышать, что скажет он.

Аркадий сделал шаг вперёд. Он чувствовал, как под рубашкой струится пот, как колотится сердце. Но внешне он оставался спокоен. Это был его главный навык — умение выглядеть уверенным, когда внутри всё горит.

— Господин Гогиберидзе, — сказал он, и его голос не дрогнул. — Я не похищал вашу дочь.

Князь смотрел на него долго, не мигая. Потом отпил коньяк из стоящего рядом бокала.

— Это она говорит, — он кивнул на Нино. — Но она ребёнок. Она может ошибаться.

— Она не ошибается, — сказал Аркадий. — Похититель — вот эта женщина. Лидия Верещагина. Моя бывшая партнёрша.

Он подтолкнул Лидию вперёд. Она стояла, выпрямившись, и смотрела на Князя с вызовом. Даже сейчас, в плену, она не выглядела побеждённой.

Князь перевёл взгляд на неё.

— Это ты взяла мою дочь?

— Я, — сказала Лидия спокойно. — И я бы сделала это снова.

Гиви дёрнулся, но Князь остановил его жестом.

— Зачем?

— Затем, что вам, уважаемый Дато, пора вернуть долги, — Лидия улыбнулась. — Вы задолжали очень серьёзным людям. И они устали ждать.

Князь помолчал. Потом отставил бокал и медленно поднялся из кресла. Он был огромным — широкие плечи, тяжёлые руки, седая голова. Он подошёл к Лидии вплотную, и Аркадий увидел, как она на мгновение дрогнула.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Князь тихо.

— Знаю, — ответила Лидия, и голос её всё-таки дрогнул.

— И ты думала, что можешь взять мою дочь и остаться безнаказанной?

— Я думала, что вы заплатите. И все останутся живы.

Князь усмехнулся — невесело, холодно.

— Ты ошиблась.

Он повернулся к Гиви.

— Уведите её. Я решу, что с ней делать. Позже.

Гиви кивнул, и двое охранников увели Лидию. Она не сопротивлялась. Только обернулась на пороге и посмотрела на Аркадия. В её взгляде была странная смесь ненависти и... уважения? Аркадий не стал гадать. У него были проблемы посерьёзнее.

Князь снова сел в кресло. Посмотрел на Аркадия.

— Значит, ты её поймал.

— Поймал, — кивнул Аркадий.

— И вытащил мою дочь.

— Вытащил.

Князь помолчал. Потом сказал:

— Я должен тебя убить.

Аркадий почувствовал, как холодеет спина.

— За что?

— За то, что ты устроил этот цирк. За то, что предсказал похищение. За то, что заставил меня думать, что это ты. За то, что моя дочь была в опасности, пока ты играл в свои игры.

— Я не играл, — сказал Аркадий. — Это был трюк. Просто трюк. Я не знал, что она исчезнет. Клянусь.

— Клянёшься? — Князь поднял бровь. — Чем? Своей жизнью?

— Своей жизнью, — ответил Аркадий.

Они смотрели друг на друга — иллюзионист и криминальный авторитет. И в этой тишине Аркадий вдруг понял, что всё может закончиться очень плохо. Князь был не из тех, кто прощает. Даже если ты невиновен. Даже если ты спас его дочь.

Но тут вмешалась Нино.

— Отец, — сказала она, подходя к креслу. — Он спас меня. Он рисковал жизнью. Он мог убежать, но он пошёл за мной. Если ты его убьёшь, ты убьёшь человека, который вернул тебе дочь.

Князь посмотрел на неё. Его лицо дрогнуло — впервые за весь вечер.

— Нино...

— Я серьёзно, — сказала девушка. — Ты всегда учил меня, что долги нужно платить. Так заплати ему. Он заслужил.

Князь долго молчал. Потом вздохнул — тяжело, как старый медведь.

— Ты права, — сказал он наконец. — Я должен ему.

Он поднялся, подошёл к Аркадию. Протянул руку.

— Спасибо, — сказал он. — За дочь.

Аркадий пожал руку. Ладонь у Князя была сухая и твёрдая, как камень.

— Не за что, — сказал он. — Я просто делал свою работу.

— Свою работу? — Князь усмехнулся. — Ты иллюзионист. Твоя работа — обманывать людей.

— Иногда, — ответил Аркадий, — иллюзия помогает увидеть правду.

Князь посмотрел на него с интересом.

— Красиво говоришь. Прямо как артист.

— Я и есть артист.

Князь засмеялся — неожиданно громко, раскатисто. Потом хлопнул Аркадия по плечу — так, что тот едва устоял на ногах.

— Мне нравишься ты, — сказал он. — Жаль, что мы не встретились раньше.

— Я тоже, — сказал Аркадий, и это была правда. — Но, может, обойдёмся без повторов?

— Посмотрим, — Князь подмигнул. — Посмотрим.

Он повернулся к Гиви.

— Машину. И охрану. Я хочу отвезти дочь домой.

— А что с ней? — Гиви кивнул в сторону, где увели Лидию.

— Она останется здесь, — сказал Князь. — До утра. Потом я решу, что с ней делать.

Аркадий хотел было сказать что-то, но передумал. Лидия была взрослой женщиной и знала, на что шла. Он не мог её спасать. Да и не хотел. Слишком много было между ними — и обид, и ссор, и той злой, разрушительной гордости, которая когда-то развела их по разные стороны.

Нино подошла к нему.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Правда.

— Не за что, — ответил Аркадий. — Ты храбрая девчонка. И актриса хорошая. Из тебя выйдет толк.

Нино улыбнулась.

— Может, вы меня научите чему-нибудь? Ну, из вашего ремесла?

— Приходи как-нибудь в цирк. Я выступаю по пятницам.

— Приду, — пообещала она.

Князь и его люди ушли. Аркадий остался один в VIP-зале — усталый, опустошённый, но живой. Он подошёл к окну, посмотрел на ночной город. Огни мигали, как звёзды, и в этом мерцании было что-то успокаивающее.

Он вытащил из кармана рацию — ту самую, которую забрал у охранника. Покрутил в руках. Потом улыбнулся и бросил её в мусорную корзину.

— Шоу закончено, — сказал он вслух. — Аплодисментов не будет.

Он вышел из зала, спустился по лестнице, прошёл через пустой главный зал. На сцене всё ещё валялись осколки стеклянного куба. Аркадий подошёл, поднял один — маленький, гладкий, с острыми краями. Посмотрел на него, как в зеркало.

— Смертельный номер, — пробормотал он. — Вот уж точно.

Он сунул осколок в карман — на память. И пошёл к выходу.

На улице было прохладно. Ночной воздух пах дождём и бензином. Аркадий поёжился, поднял воротник рубашки. У него не было ни смокинга, ни бабочки, ни реквизита. Только он сам — и то, что он умел делать.

Он достал телефон, набрал номер Аси.

— Маэстро? — голос ассистентки был испуганным. — Господи, вы живы?!

— Живее всех живых, — ответил он. — Забери меня. Я у главного входа.

— Уже еду.

Он убрал телефон, прислонился к стене и закрыл глаза. В голове всё ещё крутились события вечера — похищение, погоня, Лидия, Князь, Нино. Он устал. Так, как не уставал никогда в жизни.

Но в этой усталости было что-то хорошее. Что-то правильное. Он сделал то, что должен был сделать. И остался жив.

Через десять минут подъехала машина. Ася выскочила из-за руля, бросилась к нему.

— Вы целы? — она ощупала его плечи, руки, лицо. — Вас не ранили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.